

производства, медицины, образования и искусств (§ 6—1) — все это неопределенно, общо и лишено точности. Он опускает самое существенное и обстоятельно останавливается на малозначительном подобно неискусному описателю путешествий, который рассказывает не по исследованиям, но только по слухам и газетам. Значит ли это писать *de statu scientiarum in imperio Russico*, если дословно напечатаны *Theses philosophicas*, которые были защищены в семинаре в Москве (с 18—20), и каталог лекций Петербургского (с 31) и Московского (с 34) университетов? Это значит нарушать правду истории, значит быть несправедливым против целой нации если оценивать ее по таким частным подробностям. Что было бы, если русские подобным образом оценили бы нас, немцев, по посланиям в Экономическое общество в Петербурге людей типа Меркеля и Рейера или только по «Structuram» Фромманна. Самый блестящий период русской литературной истории XI и XII веков, когда в России уже расцветали греческие науки, когда остальная Европа еще дремала в глубоком варварстве, автору совсем неизвестен. Вместо того чтобы на с 2—7 скучно трактовать *Locus communis* о пользе наук в государстве, вместо того чтобы выписывать из Вебера на с 7 известное высказывание Петра I о передвижении наук, вместо того чтобы опровергнуть Таландера на с 13 и вместо того, чтобы рецензировать на с 28 непотребный *Jus Publicum Russicum* Моргенштерна и перечислять на с 28 тех русских, которые недавно за границей получили звание доктора медицины, лучше бы он, кто жил в Москве почти десять лет (с 9) и застал еще находившиеся там бесценные остатки старой патриаршей библиотеки, должен был сказать иностранцам, что там более ста старых греческих рукописей Гомера, Гесиода, Пиндара, Аристофана, Страбона, Гесиохоса, Птолемея и многих других гниют в углу (Но теперь слышим, что теперешний директор Российской академии наук, его сиятельство граф Владимир Григорьевич Орлов, собираетсь перевозить эти ценности из Москвы в Академию, — в безопасность, какая это заслуга перед целой наукой!) — *Vagagogum* (с 31) должно читаться как *vaгаeogum*, или, точнее, как *Varagogum* — более полная история Ломоносова (с 29) не доведена до царя Ивана Васильевича, но только до Ярослава, и она не была написана по высочайшему повелению. *Уложение* (с 20) не есть *codex auctior* Судебника, но самостоятельный свод законов «*Historiam omni industria colunt Russi*» говорит Фромманн на с 29, но из доказательства его, только следует *coluerunt* и не *colunt*. Жизнеописания двух известных архиепископов Новгорода (с 14—18) почти дословно извлечены из «*Sammlung russischer Geschichte*» (Т V С 564—572) господина коллежского советника Миллера, но с умалчением источника, и переведены в варварскую латынь. Замечательно, как доньше привлекали юристов и адвокатов в Российскую империю, — господин Фромманн описывает это на с 23.